

Пески и ветры Шарлотты Рэмплинг

Мишель БАИЕН

Звезды на полосах

“Возвращение Рэмплинг” — так называют критики недавнюю работу актрисы в фильме “Под песком” Франсуа Озона. Только что она закончила сниматься в фильме “Целуйте, кого хотите” Мишеля Блана, на подходе новые проекты.

— Вас удивил успех фильма “Под песком”?

— Больше всего меня удивила реакция зрителей. Они молча ждали конца титров. Никто не разговаривал. Потом зал медленно пустел. Я чувствовала, что сердца и души зрителей остаются там, на пленке. Я никогда не забуду выражения лица Франсуа Озона и его продюсеров, когда они поняли, что фильм нравится зрителям. Они были потрясены.

— Как вы объясняете единодушные критиков и зрителей насчет фильма?

— Думаю, всех взволновала тема. Как можно выжить, потеряв близкого тебе человека? Когда он исчезает, ты чувствуешь себя брошенным, и страх этого одиночества — один из самых больших страхов человека. Моя героиня не знает, погиб ли ее муж, покончил ли жизнь самоубийством, уехал ли, не сказав ей ни слова. Эта женщина оказалась в зоне пустоты, ее жизнь опрокинулась, ее ориентиры исчезли. Она словно умерла. Франсуа затронул универсальную тему, потому что каждый из нас задает себе вопрос, что будет с ним после смерти. Поэтому эмоциональное путешествие этой женщины, происходящее в основном безмолвно, так волнует людей. Зритель почти заигноризированно следует за ней, шаг за шагом, как тень, в интимные зоны ее бытия. Словно Мари вошла в коллективное бессознательное зрителей. Франсуа не сводит с нее взгляда, не отпускает ее ни на секунду. Когда позже зрителей спросили, чем их заинтриговала Мари, они ответили: тем, что они все время были рядом с ней. В письмах, которые я получаю по поводу этой роли, люди пишут очень разные люди — простые и чопорные, молодые и старые, священники, буржуа, студенты. Все они пишут, что благодаря Мари нашли частичку себя. Это естественно. Всем нам приходится терять близких. Все мы слегка касались смерти. Люди отождеств-

лялись с моей героиней, потому что страдания Мари слегка облегчали их страдания.

— Вы предчувствовали это во время съемок?

— Вообще нет. Но зато, когда Франсуа пришел поговорить со мной о фильме, хотя сценарий еще не был завершен (мы снимали фильм в два приема), я почувствовала — как почувствовала в свое время в связи с “Ночным портье”, — что этот фильм станет для меня вехой. Иногда выбор совершается сам по себе, вне зависимости от тебя и твоих желаний. Бывает так, что ты делаешь выбор не как актер, а как человек, словно чувствуешь зов в душе.

— О каких сценах с вами говорят чаще всего?

— О двух. Сцена с руками и самый конец, после морга, когда она плачет на пляже.

— А как лично вы понимаете этот конец?

— Когда она бежит за силуэтом человека, идущего по пляжу. Я восприняла это как рецидив психоза — психоза, который будет преследовать ее вечно. Хотя Мари — вовсе не психопатка. Просто в этот момент начинается ее настоящий траур. Только что она побывала в морге, увидела изуродованный труп и опознала мужа по часам. Поэтому она изобретает для себя этот силуэт. Она находит утешение в погоне за миражом. Я знаю, что люди были ужасно заинтригованы этой сценой. Меня спрашивали, не сошла ли Мари с ума, не вернулась ли ее муж на самом деле. Я заметила, что их тоже утешает мысль о том, что Жан мог и не умереть. Они цепляются за эту мысль, как сама Мари.

— На премьере фильма вы сказали: “Это путешествие женщины, которую я хорошо знаю”. Как вы думаете, вы смогли узнать о себе что-то новое благодаря этому фильму?

— Да... хотя, пожалуй... не знаю. Но что это значит — хорошо себя знать? Может быть, просто научиться жить в мире с собой. Сегодня во мне гораздо меньше мятежного духа, чем раньше.

— Мари по-прежнему живет в вас?

— Да. Она навсегда останется со мной, как и все остальные персонажи, которых я сыграла. Лючия тоже всегда живет во мне. Иногда меня спрашивают, не надоело ли мне все время отвечать на вопросы о “Ночном портье”. Наоборот. Благодаря этому фильму я прошла удивительный путь. Эта девушка навсегда осталась со мной. Во мне. Что, кстати говоря, прекрасно в кино —

я могу одновременно быть 20-летней Лючией и 50-летней Мари.

— Вот уже несколько лет французским актрисам необязательно быть молодыми, чтобы нравиться и соблазнять на экране.

— Это внушает надежду! В Китае, например, старики — самые почетные и уважаемые члены общества. Почему мы не можем пойти по их стопам? Мне всегда казалось, что французы умнее американцев. Здесь нет одержимости молодостью.

— Но и здесь еще 10 лет назад молодость была обязательным требованием для киноактрисы.

— Потому что в общественном сознании не допускалась идея о том, что женщина может быть сексуальной после определенного возраста. Общество не сознавало, что после 40 лет у женщины начинается не старость, а вторая половина жизни. Многим актрисам пришлось пострадать из-за этих нелепых установок. Например, Анни Жирардо — сколько лет она не могла получить ни одной хорошей роли! Многим актрисам пришлось пережить то же самое. А ведь во Франции столько актрис умеет красиво стареть. Вспомним хотя бы Жанну Моро и Даниэль Даррье. Конечно, за рубежом тоже были великие — Кэтрин Хэпберн, Бетт Дэвис, Ванесса Редгрэйв. Я понимаю, что моему поколению повезло больше, чем им. Для нас есть роли — и даже хорошие роли.

— После фильма “Под песком” на вас стали смотреть иначе?

— Да. Но это естественно — успех всегда меняет жизнь актера. На него смотрят иначе. Когда ты не снимаешься или играешь в плохих фильмах, люди не знают, как с тобой общаться. Они делают вид, что об этом не знают. А когда актер снова добивается успеха, люди снова стремятся с ним общаться, вокруг него возникает особая аура, которая буквально электризует атмосферу вокруг него.

— В 90-е годы вам не казалось, что вы навсегда распрощались с успехом?

— Я боялась, что у меня больше так и не появится желания сниматься. Оно начало возвращаться только благодаря Франсуа. А когда я увидела, как принимают наш фильм, оно вернулось окончательно. После удачного фильма можно несколько лет жить спокойно. В смысле — экспериментировать, искать, рисковать.

— Этот фильм должен был создать особые от-

ношения между вами и Франсуа Озоном.

— Совершенно верно. Недавно я читала книгу о Роми Шнайдер, и в ней описывалась ее встреча с Клодом Сотэ. Когда он снял ее в “Мелочах жизни”, она считалась немодной актрисой, никто не желал ее снимать. Именно в этот момент на ее пути встретился Сотэ и указал ей новое направление. Такие встречи очень важны в карьере, и вообще в жизни женщины. Конечно, после этого ты все равно помнишь тяжелые годы, но о них думается легче.

— Кстати, сейчас критики начали сравнивать вас с Роми Шнайдер.

— Озон сказал это первым. Это прекрасный комплимент, потому что я преклоняюсь перед этой женщиной. В ней ощущается тот же склад личности, что и во мне. Мы с ней практически не были знакомы, видели друг друга два три раза. Сейчас, старея, я начинаю ощущать связь с ней и ее жизнью.

— Этот фильм стал первым после периода депрессии, смерти вашей сестры. Работа помогла ранам зарубцеваться?

— (Пауза). Я чувствовала, что подошла к концу определенного цикла, и что “Под песком” стал экранным воплощением всего этого. Но сегодня все кончено. Эти события больше не преследуют меня.

— Год назад, перед премьерой вы говорили, что хотели бы показать фильм вашему отцу. Что он, возможно, сможет, наконец, вас понять.

— Он никогда не посмотрит этот фильм. По крайней мере, так он мне казался. Но, как ни странно, у нас с ним сейчас все хорошо. Для того, чтобы мы могли общаться, фильмы не нужны. Я разрешила ему чувствовать себя хорошо, он разрешил мне чувствовать себя хорошо. Знаете, в семьях порой происходят такие странные вещи.

— Фильм заставил вас почувствовать новый аппетит — и как актрисе, и как зрителю?

— Он пробудил во мне много новых аппетитов. Раньше мне многое не удавалось по разным причинам. Мне было так трудно примириться с самой собой, что об остальном я даже думать не могла. Сейчас я смотрю на вещи проще. Я открыта миру, и люди идут ко мне.

— Раньше вы внушали людям робость.

— Вы хотели поделкатнее сказать, что меня боялись? (Смех). Если сегодня меня боятся меньше, это происходит потому, что я сама больше не боюсь. Люди очень примитивны в сво-

их эмоциях. Как животные.

— В феврале 2001 года вы получили “Сезар” за достижения в кино.

— Я была очень тронута, потому что до сих пор мне еще не вручали таких призов. Люди словно хотели сказать: “Она это заслужила”.

— В вашем новом фильме “Целуйте, кого хотите” вы снимаетесь в компании с Жаком Дютронам, Кароль Буке, Карен Виар. Удивительно, что компания таких актеров собралась в комедии!

— Я не знаю, что заинтересовало моих коллег, но я начинала кинокарьеру в комедийных фильмах и всегда надеялась, что когда-нибудь вернусь в этот жанр. Это очень забавный фильм, но юмор в нем язвительный, издевательский, даже немного черный. Это так похоже на Мишеля Блана. Он нашел английскую книгу, “Английские канникулы” Джозефа Коннелли, и дух этой книги идеально соотносился с его мироощущением. Всем нам было приятно у него сниматься. Мне очень понравился быть женой Жака Дютрона, думаю, эта роль была мне к лицу (Смех).

— Вы также сыграли роль-камео в новом фильме Тони Скотта “Шпионские игры”, хотя в титрах нет упоминания вашей фамилии.

— Это дружеская услуга. Поэтому я и не хотела, чтобы мое имя числилось в титрах. Мы с Тони Скоттом знакомы много лет, он мечтал снимать меня в фильме “Голод” почти 20 лет назад. Когда я прочитала сценарий “Шпионских игр”, я сказала ему: “Но там нет ни одной женской роли!” Он ответил: “Мне нужна незабываемая женщина, которая пробудет на экране три минуты и осветит своим присутствием весь фильм”. Узнав, что в этой сцене мне придется целоваться с Робертом Редфордом, с которым я даже не была знакома, я тотчас же согласилась. Разве можно отказать себе в таком удовольствии! (Смех).

— И как прошли съемки?

— О! Замечательно. Он очарователен. И настоящий джентльмен.

— Последний вопрос из тех, которые не принято задавать актрисам: с кем из режиссеров вы хотели бы работать?

— Если меня пригласит Одиар — я не откажусь. Еще — Анн Фонтен. Раньше я очень стеснялась говорить о таких вещах, но сегодня мне уже нечего терять.